

Б. Р. Мандель

Всемирная литература

Нобелевские лауреаты
(1931-1956)

Борис Мандель

**Всемирная литература:
Нобелевские лауреаты 1931-1956**

«Директ-Медиа»

УДК 371
ББК 83.3 (3) я7

Мандель Б. Р.

Всемирная литература: Нобелевские лауреаты 1931-1956 /
Б. Р. Мандель — «Директ-Медиа»,

Данный учебник представляет собой продолжение курса «История зарубежной литературы», изучаемого в высших учебных заведениях гуманитарного направления согласно Федеральным образовательным стандартам и образовательным программам. Кроме того, в большей части, материал учебника соответствует также стандартизированным принципам курса «Литература». Учебник освещает основные этапы жизни и творчества выдающихся писателей мира, делая упор на художественные особенности и мастерство. В учебнике сделана попытка охватить наиболее яркие произведения нобелиатов. Учебник написано доступным языком. Материал расположен в связи с хронологией событий, связанных с вручением Нобелевской премии по литературе. Кроме того, в книге содержатся отрывки из произведений, речей нобелиатов. Одной из важнейших частей книги является список литературы, список художественных текстов, вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам. «Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1931-1956). Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)» представляется полезным не только для студентов и преподавателей высших учебных заведений, но и для всех, интересующихся историей мировой литературы.

УДК 371
ББК 83.3 (3) я7

© Мандель Б. Р.

© Директ-Медиа

Содержание

Введение	6
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Б. Р. Мандель

Всемирная литература: Нобелевские лауреаты 1931-1956

Введение

Мир 30–60-х годов XX века... Как давно и недавно это было... Мир, стремительно развивающийся, молодой и безудержный, веселый и грустный. Мир, непрерывнодвигающийся вперед, даже не замечая, что так часто впереди оказывается огненная бездна войны...

Заревели автомобили, заговорил и запел кинематограф, появилось телевидение... Усовершенствуется оружие и строятся ракеты... Уходит в прошлое сухой закон и инфляция в Европе. Далекий и загадочный Советский Союз обуздает реки и построит Магнитку... Политические деятели сменяют друг друга как карты в игральной колоде... Шахматисты поражают человечество своими победами... Загадочный диктатор Сталин курит ночами трубку, мечтая о победе социализма, а немецкие женщины восторженно приветствуют маленького великого Адольфа, который скоро уничтожит их мужчин... Горят книги на площадях Европы, смешиет людей Чаплин, танцует Голливуд, опутывается колючей проволокой Россия... Войны и прогресс, бездна смерти и культура – как они близки, а порой и нераздельны... Мир превращается в «Гернику» Пикассо...

И все же есть то, что помогает держаться. Книги! Творчество не умирает, хотя гибнут писатели... Да, сотни и тысячи книг написаны в эти годы, таких разных, таких сложных и простых, добрых и злых, нужных и ненужных совсем! Не будем спорить о достоинствах и недостатках всех, получивших Нобелевскую премию в области литературы – они действительно есть, это истинные творцы, писатели и философы, мыслители и политики, гении и злодеи, те, чьи сердца освещают великие книги, заставляя рыдать и смеяться, наслаждаться и горевать... Книги остаются, хотя часто забываются имена! Они пылятся на полках библиотек или зачитаны до дыр и рассыпаются от ветхости, блестят глянцевыми суперобложками и узнаются в неудачных экранизациях... Они есть, эти книги, и сколько бы ни существовал мир, всегда найдется хотя бы один их читатель! ...Остается напомнить, что в 1935 году и с 1940 по 1943 год Нобелевская премия по литературе не присуждалась...

Глава I

Эрик Карлфельдт (Karlfeldt) 1931, Швеция

Замечательный шведский поэт *Эрик Аксель Карлфельдт* (20 июля 1864 года – 8 апреля 1931 года) родился в поселке Фолькерна, в Далекарлиа. Предки его были фермерами, отец самостоятельно выучился на юриста, мать, урожденная Анна Йансдоттер, вышла замуж за отца Эрика, уже будучи вдовой. Детские годы Эрика прошли безмятежно в тихом сельском районе Центральной Швеции, радующем глаз местных жителей прекрасными пейзажами, яркими красками лесов и полей.

Эрик Карлфельдт

После окончания местной школы Карлфельдт поступает в знаменитый, один из старейших и прославленнейших в Европе университет в Упсале, однако вскоре после поступления Эрика в Упсальский университет его отец разорился и вынужден был продать фамильное имение Толфмансгорден, а вскоре умер...

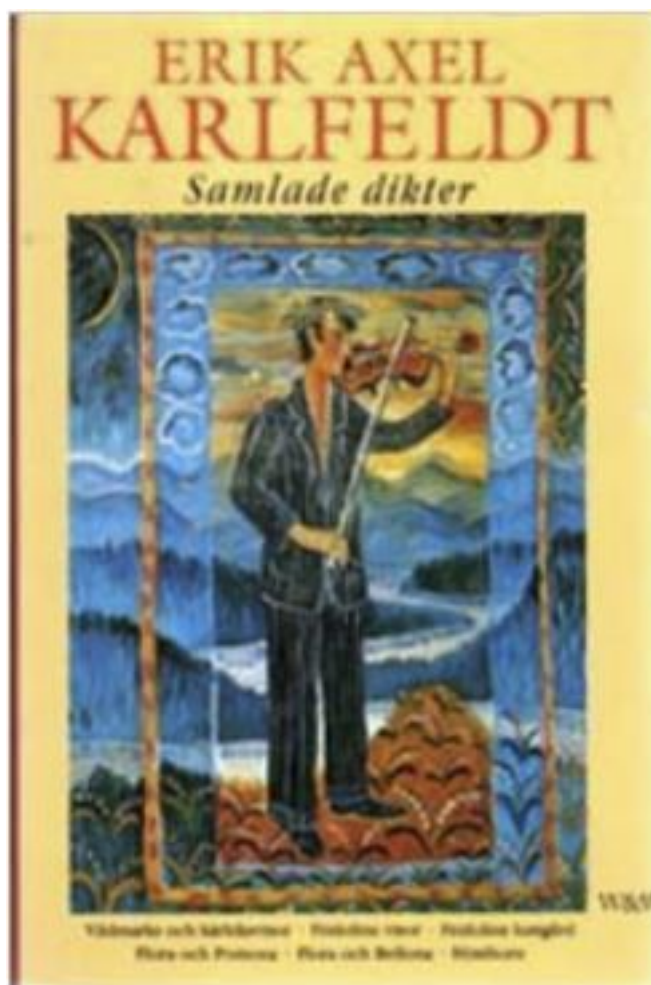

Вид на чудесный город Упсала

Карлфельдт зарабатывает на жизнь частными уроками, университет заканчивает только в 1902 году. Проработав в течение года учителем, как и многие студенты из небогатых семей, он получает место библиотекаря в Сельскохозяйственной академии в Стокгольме.

В 1895 году Карлфельдт выпустил первый из шести своих поэтических сборников – «Песни о дикой природе и любви» («Vildmarcks – och karleksvisor»). Как и в большинстве его будущих произведений, в этих стихах описывается крестьянская жизнь в Далекарлиа, причем, в обращении к языческому прошлому шведского крестьянства звучат явные мистические оттенки. В поэзии Карлфельдта, этнографически очень точной и конкретной, очень шведской, глубоко лирической и традиционной по духу, сквозит ностальгия по простой жизни, по крестьянской культуре, постепенно уходящей из-за нарастающей индустриализации и урбанизации Швеции.

Поэтические сборники «Песни Фридолина» («Fridolins visor», 1898) и «Сад наслаждений Фридолина» («Fridolins lustgard», 1901) получили свое название по имени Фридолина, любимого лирического героя Карлфельдта, за которым, собственно, скрывается сам автор. Устами своего персонажа – полупоэта, полукрестьянина – Карлфельдт говорит о себе как о человеке, который «с крестьянами изъясняется на языке простонародья и по-латыни – с образованными людьми».

Одно из первых изданий «Vildmarcks – och karleksvisor»

В сборник «Сад Фридолина» вошел цикл стихов «Настенная живопись Далекар-
лиа» («Dalekarligar, utlagda på rim») – самые оригинальные, пожалуй, стихи, в которых опи-
сываются традиционные народные рисунки на библейские и мифологические сюжеты, укра-
шавшие стены крестьянских домов. Карлфельдт никогда не переставал писать о Далекарлиа,
однако его поэзия менялась, становилась более зрелой – безоблачность ранних стихотворений
уступала место более сложным и неоднозначным по настроению, порой, даже мрачным или
мистическим стихам.

В этом доме написаны почти все лучшие стихи Карлфельдта...

*Ты кто, откуда дорога твоя?
– Не знаю, не все ли едино?
Ни дома нет, ни отца у меня,
не будет ни дома, ни сына.
Я есмь путь, моя доля – чужбина.
Во что ты верил и кто твой бог?
– Я знаю, что знаю мало.
Я верил неверно, верил, как мог,
но вера мне помогала.
Бога искал я, конец и начало.
А как ты прожил? – Борясь, я жил,
изведал нужду и напасти,
пустые надежды, напрасный пыл,
просветы среди ненастья.
Я жил на земле, это счастье.*

(«Бродяга», перевод И.Бочкаревой)

В 1904 году Карлфельдт был избран в Шведскую академию, а в 1907 году вошел в состав Нобелевского комитета по литературе. В 1912 году поэт был назначен постоянным секретарем этого комитета. Пока он занимал эту должность, ему несколько раз предлагали Нобелевскую премию, однако Карлфельдт отказывался, ссылаясь при этом на свое положение в Академии, а также на то, что за пределами Швеции он был относительно мало известен. Карлфельдт был первым, кто отказался от столь высокой награды...

Рабочий стол секретаря Нобелевского комитета Э.Карлфельдта

Эрик Карлфельдт практически не писал прозу – чуть ли не единственные его прозаические произведения – это некролог шведскому поэту Густафу Фредингу, умершему в 1911 году, и речь при вручении Нобелевской премии Синклеру Льюису в 1930 году. Правда, остались чудесные письма друзьям и родным, часто – с небольшими рисунками.

На родине Карлфельдт котиrowался достаточно высоко, но за пределами Швеции был малоизвестен. Его стихи трудны для перевода – в основном, из-за большого количества шведской разговорной идиоматики и архаизмов, передающих речь шведских крестьян.

В 1916 году Карлфельдт женился на Герде Хольмберг, у них было двое детей.

Карлфельдт скоропостижно умер в 1931 году, а спустя шесть месяцев после его смерти Шведская академия проголосовала за присуждение ему Нобелевской премии по литературе. Формулировка была краткой: **«за поэтическое творчество...»**.

Аверс памятной медали Э.Карлфельдта

Особенно активно ратовал за присуждение премии Н.Седерблум, член Шведской академии и архиепископ Упсалы. Решение академии вызвало широкое недовольство в Скандинавии да и во всем мире, в связи с чем пришлось напомнить, что, согласно правилам присуждения Нобелевской премии, посмертное награждение возможно в том случае, если кандидатура впервые выдвигалась еще до смерти лауреата. В результате семье Карлфельдта была передана Нобелевская премия.

«В эпоху, когда вещи ручной работы – большая редкость, – сказал в своей речи член Шведской академии А. Эстерлинг, – в мастерски отточенном языке карлфельдтовских стихов есть какая-то особая, если угодно, высоконравственная значимость. Особенно подкупает то, что поэт, черпавший свое вдохновение, главным образом, из исчезающего прошлого, в средствах выражения глубоко нетрадиционен, что он смелый новатор, тогда как модернисты нередко довольствуются лишь преходящей языковой модой».

Американский литературовед А. Густафсон определил вклад Карлфельдта в литературу следующим образом: «Карлфельдт – один из величайших шведских поэтов. Его стихи отличаются продуманностью и изысканностью, солидным и в то же время исключительно образным мастерством... Поэтический стиль Карлфельдта во многом традиционен, но это традиционность особенная».

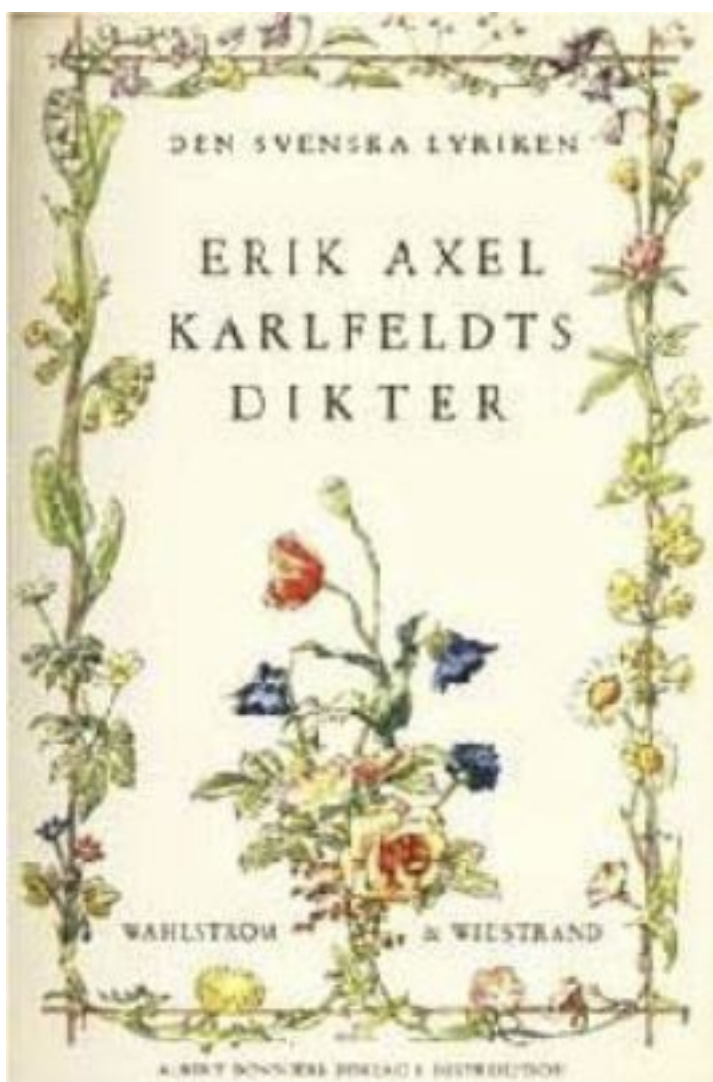
Один из переводчиков его стихов писал: «Как никакой другой шведский поэт, Карлфельдт близок к земле и народу...».

*Я из земли, тяжел, холодноват,
повадкой я старик, годами – млад.
В моей душе осенний дуб стоит,
листва его прощально шелестит.
Я из воды, и влажен, и студен,*

*медлительность моя – застылый стон.
Зато и радость средь зимы сильна,
коль полон стол дичины и вина.
Из воздуха я, легок и прогрет,
вокруг меня всегда весенний свет.
Какой зеленый, свежий, длинный год
под ветрами из сырости растет.
Я из огня, горяч и иссушен,
Недвижным, летним солнцем обожжен,
и я дивлюсь, как не сожгло оно
Меня и все стихии заодно.*

(«Мотив из крестьянской практики», перевод И.Бочкаревой)

В настоящее время, однако, Карлфельдт за пределами Швеции никому не известен, его стихи практически недоступны, критики почти не уделяют ему внимания.

Обложка раритетного аукционного прижизненного издания стихотворений Э.Карлфельдта

В России произведения Эрика Карлфельдта, к сожалению, известны только специалистам по скандинавской поэзии, монографии по его творчеству отсутствуют, а тех, кто читает немногочисленные переводы его стихотворений, удивляет факт получения Нобелевской премии. Однако, как было сказано выше, порой премия отмечает не только и не сколько литературные заслуги, сколько вполне конкретный, ощутимый вклад в развитие мировой и национальной культуры и литературы, умение творчески трудиться, мыслить и сопереживать человечеству.

Глава II

Джон Голсуорси (Galsworthy) 1932, Великобритания

Джон Голсуорси

Английский прозаик, драматург и поэт *Джон Голсуорси* (14 августа 1867 года – 31 января 1933 года) родился в городке Куме (графство Суррей), в состоятельной буржуазной семье. Единственный сын Джона Голсуорси, богатого юриста, директора Лондонской компании, и Бланш (Бартлит) Голсуорси, он получил прекрасное образование в Харроу и Оксфорде. Дорогой частный колледж университет сделали из молодого Голсуорси профессионального юриста – в этом он последовал традициям семьи.

Но, став в 1890 году адвокатом, он так и не занялся юридической практикой, предпочитая жить в свое удовольствие, много читать и ездить по всему миру. Во время кругосветного путешествия, которое будущий писатель предпринял для углубления знаний в морском праве, Голсуорси встретил писателя Джозефа Конрада, с которым подружился на всю жизнь. Капитан Конрад баловался пером и хотел стать литератором. Решение самого Голсуорси о перемене занятий было принято не без его влияния.

В возрасте 28 лет под влиянием Ады Голсуорси, жены его двоюродного брата Артура, с которой у Голсуорси начался роман, молодой человек окончательно решает стать писателем и в 1897 году под псевдонимом Джон Синджон выпускает свою первую книгу – сборник рассказов «Четыре ветра» («From the Four Winds»). Первый роман писателя – «Джо-

слин» («Jocelyn») появился годом позже, второй – «Вилла Рубейн» («Villa Rubein») – в 1900 году. «Виллу Рубейн» можно считать «большой повестью (в ней всего 29 глав), она невелика по объему. Влияние русской классической литературы, особенно творчества И.С.Тургенева чувствуется в обилии экскурсов в прошлое, во введении в повествование вставных историй, в постановке проблемы отцов и детей, которая у Голсуорси обрела социальный смысл и прозвучала как конфликт «верхов» и «низов».

Сюжет книги построен на истории любви австрийского художника Алоиза Гарца к английской аристократке Кристиан Деворелл. Гарца отличают демократизм, нигилизм и критическая острота суждений, которые напоминают нам базаровские принципы, фанатическая преданность искусству. Он сын крестьянина, прошел суровую жизненную школу: работал помощником маляра, реставрировал и расписывал церкви, чтобы оплатить обучение в Венской академии художеств. Даже фамилия, которая в переводе означает «деготь», говорит о его плебейском происхождении. Бывший анархист и «вероотступник», Алоиз вынужден покинуть родину из-за участия в политическом заговоре. Вполне естественно, что такая жизненная позиция сразу же ставит Гарца в оппозицию к обитателям виллы Рубейн – Моравицам, Сарелли, Треффри, миссис Диси и др.

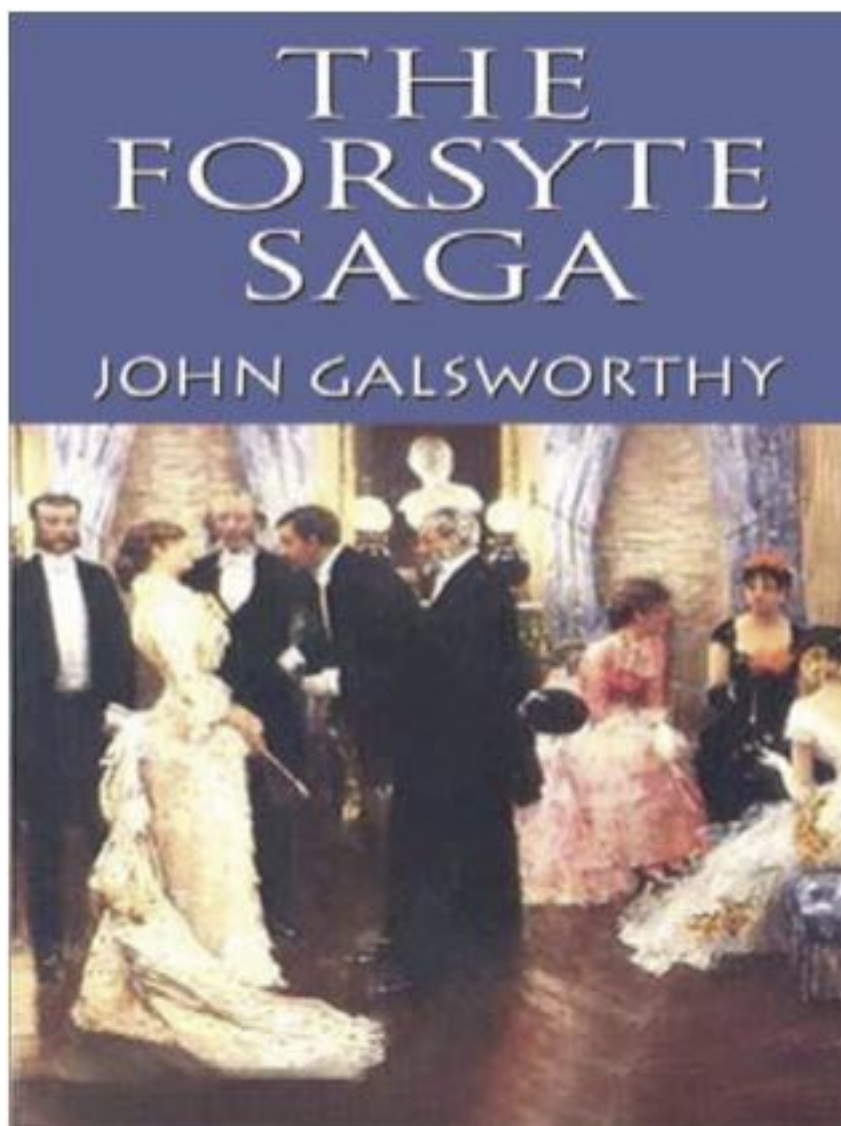
Одна из комнат с картинами, где любил отдыхать Голсуорси

Любовь Кристиан к иностранцу, да еще и простолюдину, в чем-то повторяет сюжетную линию другого романа Тургенева – «Накануне». Решившись бросить вызов условностям, героиня Голсуорси выступает против мира наживы, представленного, прежде всего, Николасом Треффри. Это первый образ «подлинного английского джентльмена», созданный писателем, первая заявка на историю форсайтизма. «Пачка чеков на крупные суммы» в его глазах значит больше, чем все вместе взятые картины, созданные Гарцем, однако он готов пожертвовать самым главным в жизни – деньгами, чтобы расстроить отношения молодых людей, помешать их счастью. Но старику Треффри приходится признать свое поражение. Он умирает, уходит «в небытие, в пропасть, отделяющую юность от старости, убеждение от убеждения, жизнь от смерти».

Эпилог книги, посвященный семейной жизни Алоиза и Кристиан, написан в лирическом плане. Чувствуется смутная неудовлетворенность героев, приходят мысли о непрочности счастья, мучит вопрос о вечном недовольстве человека своим положением. Традиционный счастливый финал не снимает сложности настроений, драматических переживаний и многообразия эмоциональной окраски. В этом произведении уже явственно ощущается мастерство Голсуорси-романиста, умение создать динамичное повествование, повышенное внимание к языку, слову, к речевой и психологической характеристике образов.

Следующий сборник рассказов, вышедший еще через год, уже содержит упоминание о семье Форсайтов, которую ему предстояло увековечить в книгах более позднего времени. Под влиянием Тургенева, Мопассана и Льва Толстого Голсуорси в течение трех лет писал и переписывал свою пятую книгу – «Остров фарисеев» («The Island of Pharisees», 1904), первый роман, который Голсуорси выпустил под своим настоящим именем. Уже в его названии заключена метафора, олицетворяющая состояние английского общества: политиков и священнослужителей, людей искусства и науки. Правдоискатель Шелтон, выходец из высших кругов, после встречи с Ферраном, задевшим «молчавшую струну» в его душе, порывает со своим классом и отдает все силы разоблачению «стандартных лозунгов», выражающих то состояние, когда богатые живут за счет бедных, когда сильный попирает слабого, когда существуют трущобы и ночлежки, а «удар под ложечку» Индии, чья независимость была попраана англичанами, выдается за великую миссию Британии. Свои оценки Шелтон формулирует весьма резко и критично, но его мысли и действия все же не лишены наивности даже тогда, когда он тратит часть своего состояния на нужды бедняков. Герой Голсуорси постоянно сталкивается с наглым равнодушием фарисеев, которые не способны на милосердие.

Не все в этом произведении удалось автору. Несколько преувеличена «гипертрофия совести» у Шелтона, слишком скоротечно его прозрение, а сатирический настрой, возможно, чересчур прямолинеен. Но роман, несомненно, созданный в традициях лучших творений Диккенса и Теккерея, явился непосредственным подступом ко всей «Саге о Форсайтах». Эпиграф из Шекспира: «Так в обществе высоком повелось...», которым Голсуорси предварил «Остров фарисеев», отражает суть и всего созданного им позднее.

Обложка одного из полных изданий «Саги о Форсайтах» Д.Голсуорси.

После смерти отца (1904) Голсуорси обрел материальную независимость, Ада переезжает к нему, а когда через год закончился ее бракоразводный процесс, молодые люди женятся. Возможность жить вместе, не скрываясь, после девяти лет общественного порицания, резких нападков со стороны родных и друзей вдохновила Голсуорси на роман «Собственник» («The Man of Property»), который был закончен в 1906 году и в котором описан неудачный брак Ады на примере отношений Сомса и Ирен Форсайт. Этот роман, принесший Голсуорси репутацию серьезного писателя, стал самым известным из его произведений. По словам известного критика Д.Баркера, Голсуорси утверждал, что «на этих страницах он высек крупную буржуазию». «Собственник» явился первым томом трилогии «Саги о Форсайтах» («The Forsyte Saga»). К Форсайтам Голсуорси не возвращался вплоть до конца первой мировой войны, однако за это время выпустил «Усадьбу» («The Country House», 1907) – роман о мелкопоместном дворянстве, «Братство» («The Fraternity», 1909) – об интеллигенции, и «Патриций» («The Patrician», 1911) – об аристократии.

В результате постановки первой законченной пьесы Голсуорси «Серебряная шкатулка» («The Silver Box», 1906) писатель получил признание и как драматург. Самыми удачными пьесами, написанными Голсуорси до первой мировой войны, кроме «Серебряной шкатулки», были «Борьба» («Strife», 1909) и «Справедливость» («Justice», 1910). Все три

пьесы реалистического направления и разоблачают социальные злоупотребления; кроме того, последняя («Справедливость») осуждает практику одиночного заключения, в связи с чем Уинстон Черчилль заявил, что эта пьеса оказала серьезное влияние на его программу тюремной реформы.

В это же время Голсуорси тратит не меньше половины своих доходов на благотворительность и активно выступает за социальные реформы, агитирует за пересмотр законов о цензуре, разводе, минимальной зарплате, женском избирательном праве. Даже смертельно больной, писатель распорядился, чтобы Нобелевская премия была передана ПЕН-клубу (организации, объединяющей поэтов, эссеистов, новеллистов) – международной писательской организации, которую Голсуорси и основал в октябре 1921 года.

Одна из известных иллюстраций к «Саге о Форсайтах» Р.Така

В 1917 году Голсуорси отказался от рыцарского звания, полагая, что писатели и реформаторы принимать титулы не должны.

В начале следующего года писатель выпустил сборник из новелл, озаглавленный «Пять историй» («Five Tales»). В одной из новелл – «Последнее лето Форсайта» («The Indian Summer of a Forsyte») – Голсуорси вновь возвращается к семье Форсайтов. «В петле» («In Chancery»), второй том «Саги о Форсайтах», появился в 1920 году, а «Сдается внаем» («To Let»), последняя часть трилогии, – в 1921 году. Однотомник «Саги о Форсайтах», вышедший в 1922 году, имел колоссальный успех, благодаря которому Голсуорси стал ведущей фигурой в англо-американской литературе.

Так выглядят Форсайты по одной из телевизионных версий

Неукоснительно соблюдая правило писать каждое утро, Голсуорси создал 20 романов, 27 пьес, 3 сборника стихотворений, 173 новеллы, 5 сборников эссе, по меньшей мере, 700 писем и множество очерков и заметок различного содержания.

Вторую трилогию о Форсайтах, озаглавленную «Современная комедия» («A Modern Comedy»), писатель закончил в 1928 году. «Современная комедия» была издана посмертно в одном томе в 1929 году. Последняя трилогия Голсуорси, посвященная семье Чаруэлл, была выпущена в 1933 году вдовой писателя под заглавием «Конец главы» («End of the Chapter»).

Как никто другой, зная жизнь британского общества, так называемого «верхнего слоя среднего класса» и профессионально разбираясь в головоломной структуре английского права, Голсуорси обречен был стать обстоятельным бытописателем английских семейных трагедий и комедий.

В одном из писем Голсуорси отметил, что им «руководит ненависть к форсайтизму». Писатель исследовал это явление целеустремленно и весьма тщательно, ибо оно – «точное воспроизведение целого общества в миниатюре», оплота Британской империи в эпоху королевы Виктории. Деньги для Форсайтов – «светоч жизни, средство восприятия мира», они всегда знают ценность вещей, «живут в раковине, подобно тому чрезвычайно полезному моллюску, который идет в пищу как величайший деликатес... никто их не узнает без этой оболочки, сотканной из различных обстоятельств их жизни, их имущества, знакомств и жен...», а поэтому лица этих людей – «тюремщики мысли».

Собственность – основа их существования, отсюда трезвый расчет в делах, «осторожность прежде всего», цепкость, умение «сохранять энергию», «держаться». Все эти черты типичны для среднего класса с его особенностями, нормами поведения и с убогим стандартом оценок.

В 1929 году Голсуорси был награжден британским орденом «За заслуги», а в 1932 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе **«за высокое искусство повествования, вершиной которого является «Сага о Форсайтах»»**.

«Автор проследил историю своего времени на протяжении трех поколений, – сказал представитель Шведской академии А. Эстерлинг, – и то, что писатель с таким успехом овладел чрезвычайно сложным как по объему, так и по глубине материалом, делает ему честь. «Сага о Форсайтах» – заметное явление в английской литературе». Мастерство Голсуорси сравнивали с тургеневским, особо отметив его иронию, «синоним жизнелюбия и человечности». К сожалению, Голсуорси был тяжело болен (опухоль мозга) и на церемонии награждения не присутствовал. Меньше чем через два месяца после вручения ему Нобелевской премии писатель умирает...

Аверс памятной медали Д.Голсуорси

После смерти Голсуорси его слава идет на убыль. Самыми непримиримыми из его критиков были Д.Г. Лоуренс и Вирджиния Вулф. Критикуя Голсуорси и его современника Г. Уэллса в пропаганде, Вулф писала: «Чтобы их романы закончились, герою нужно что-то сделать – вступить в какое-то общество или, что еще ужаснее, выписать чек». На страницах «Спектейтора» («Spectator») в 1963 году английский критик Б. Бергонци заметил, что, «нарушив светские условности, Голсуорси стал писателем, но стоило ему утвердиться в этом качестве, как он тут же вновь стал жертвой предрассудков своего класса и воспитания... Голсуорси продолжал оставаться великолепным рассказчиком...». Английский прозаик Энтони Берджесс в 1969 году сказал, что Голсуорси умел завоевывать читателя, однако писал рассудком, а не сердцем. «Он оказал влияние на таких гигантов, как Томас Манн, его читали во Франции и боготворили в России, – писал Берджесс, – однако у себя на родине, в Англии, он завоевывал сердца посредственностей. Интеллектуалы его отвергали».

Мы полагаем, что все же стоит вчитаться в строки Голсуорси повнимательней...

В этот памятный день середины октября 1922 года сэр Лоренс Монт, девятый баронет, вышел из «Клуба шутников», как прозвал его Джордж Форсайт в конце восьмидесятых годов, спустился по ступеням, стертým ногами приверженцев существующего порядка вещей, повел своим острым носом по ветру и быстро засеменял тонкими ногами. Занимаясь политикой скорей по долгу высокого рождения, чем по призванию, он смотрел на переворот, вернувший к власти его партию, с беспристрастностью, не лишенной юмора. Проходя мимо клуба «Смена», он подумал: «Да, им теперь придется попотеть! Пусть посидят без сладкого для разнообразия»!

Командоры и короли удалились из «Клуба шутников» еще до вступления туда сэра Лоренса; он – то не принадлежит к этим крохоборам, которым теперь дали отставку, нет,

*сэр! Он не из тех людей, что отмахнулись от земельной проблемы, как только кончилась война, – бррр! Однако целый час он слушал отклики на последние события, и его живой и гибкий ум, насквозь пропитанный культурой прошлого и полный скептицизма по отношению к настоящему и ко всем политическим платформам и декларациям, с насмешкой отмечал путаницу патриотических мотивов и забот о личной выгоде, которая осталась после этого знаменательного собрания. Как большинство землевладельцев, он не доверял никаким доктринам. Его единственным политическим убеждением был налог на пшеницу, и, насколько он мог судить, единомышленников у него не осталось; впрочем, он и не думал выставлять свою кандидатуру на выборах, – другими словами, на его принцип не могли покуситься избиратели, которым приходилось платить за хлеб. «Принципы! – думал он, – ведь *au fond* – это карман!» И, черт побери, когда же люди перестанут притворяться, что это не так! Карман, разумеется, в широком смысле слова, – так сказать, эгоистические интересы каждого как члена определенного общества. А как, черт возьми, это определенное общество английская нация – сможет существовать, если все его поля останутся необработанными, а вражеские аэропланы будут грозить разрушением английским кораблям и докам? В клубе он весь этот час ждал, чтобы хоть раз упомянули о земле. И никто – ни слова! Это, видите ли, не политика! Вот проклятье! Им бы только протирать брюки, чтобы удержаться на своем месте или добиться нового. Какая связь между их брюками и заботой о будущем страны? Никакой, ей-богу! При мысли о будущем страны ему неожиданно пришло в голову, что жена его сына до сих пор, по-видимому, никак этим будущим не озабочена. Два года! Пора им подумать о детях. Опасная привычка – не заводить детей, когда от этого зависят и титул и поместье. Улыбка тронула его губы и лохматые брови, похожие на путанные черные закорючки. Очень мила, удивительно привлекательна! И знает это сама! С кем только она не встречается! Львы и тигры, обезьяны и кошки – ее дом стал просто зверинцем для всяких больших и маленьких знаменитостей. Есть в этом что-то неестественное. И, глядя на одного из бронзовых британских львов на Трафальгар-скверу, сэр Лоренс подумал: «Скоро она и этого затащит к себе в дом! У нее страсть к коллекционированию. Майклу надо быть начеку – в доме коллекционеров всегда есть чулан для старого хлама, и мужьям легко попасть туда. Да, кстати: я обещал ей китайского посланника. Придется ей, пожалуй, подождать до окончания выборов».*

Из иллюстраций к роману

В конце Уайтхолла, под сереющим на востоке небом, на миг появились башни Вестминстера. «Что-то нереальное даже в них, – подумал он. – А Майкл со своими причудами! Впрочем, это модно – социалистические убеждения и богатая жена. Самопожертвование и безопасность! Мир и процветание. Шарлатанское снадобье от всех болезней – десять пилюль на пенни!» Миновав газетную сутолоку Чэринг-Кросса, обезумевшего от политического кризиса, сэр Лоренс повернул налево, к издательству Дэнби и Уинтера, где его сын состоял младшим компаньоном. Новая тема для книги только что зародилась в мозгу, уже подарившем миру «Жизнь Монтроза», «Далекый Китай» – книгу о путешествиях на Восток, и фантастический диалог между тенями Гладстона и Дизраэли, озаглавленный «Дуэт». С каждым шагом, уводившим сэра Лоренса от «Шутников» на восток, его прямая тонкая фигура в пальто с каракулевым воротником и худое лицо с седыми усами и черепаховым моноклем под темной подвижной бровью казались все более редким явлением. Но он стал почти феноменом в этом унылом переулке, где тележки застревали, словно зимние мухи, и люди проходили с книгами под мышкой, будто шли учиться.

Он почти дошел до дверей издательства, когда навстречу ему показались двое молодых людей. Один из них, конечно, его сын; он после женитьбы стал одеваться много лучше и, слава богу, курит сигару вместо этих вечных папиросок. А вот другой – ах да, поэт, любимец Майкла, был у него шафером – идет, закинув голову, велюровая шляпа, и лицо какое тонкое!

– А, Майкл!

– Алло, Барт. Ты знаком с моим родителем, Уилфрид? Это – Уилфрид Дезерт, автор «Медяков». Настоящий поэт, Барт, верно говорю! Непременно прочтите! Мы идем домой. Пойдемте с нами.

Сэр Лоренс повернул.

– Что нового у «Шутников»?

– «*Le roi est mort*»! Лейбористы уже могут начинать свое вранье, Майкл, – выборы назначены на следующий месяц.

– Барт вырос в те дни, Уилфрид, когда люди еще не имели понятия о Демосе.
– Скажите, мистер Дезерт, а вы-то находите что-нибудь реальное в нынешней политике?

– А разве для нас на свете есть что-нибудь реальное, сэр?

– Да, подоходный налог.

Майкл засмеялся.

– Кроме дворянского звания, нет ничего лучше простодушной веры.

– Предположим, твои друзья придут к власти, Майкл; отчасти это неплохо, они бы выросли немного, а? Но что они смогли бы сделать? Могут ли они воспитать вкус народа? Уничтожить кино? Научить англичан хорошо готовить? Предотвратить угрозу войны со стороны других стран? Заставить нас самих растить свой хлеб? Остановить рост городов? Разве они перевешают изобретателей ядовитых газов? Разве они могут запретить самолетам летать во время войны? Разве они могут ослабить собственнические инстинкты где бы то ни было? Разве они вообще могут что-нибудь сделать, кроме как переменить немного распределение собственности? Политика всякой партии – это только глазурь на торте. Нами управляют изобретатели и человеческая природа; и мы сейчас в тунике, мистер Дезерт.

– Вполне согласен, сэр.

Майкл пыхнул сигарой.

– Оба вы – старые ворчуны!

И, сняв шляпы, они прошли мимо Гробницы.

– Удивительно симптоматично – эта вот вещь, – заметил сэр Лоренс, памятник страху... страху перед всем показным. А боязнь показного...

– Говорите, Барт, говорите, – сказал Майкл.

– Все прекрасное, все великое, все пышное – все исчезло! Ни широкого кругозора, ни великих планов, ни больших убеждений, ни большой религии, ни большого искусства – эстетство в кружках и закоулках, мелкие людишки, мелкие мыслишки.

– А сердце жаждет Байронов, Уилберфорсов, памятника Нельсону. Бедный мой старый Барт! Что ты скажешь, Уилфрид?

– Да, мистер Дезерт, что скажете?

Хмурое лицо Дезерта дрогнуло.

– Наш век – век парадоксов, – проговорил он. – Мы все рвемся на свободу, а единственные крепнущие силы – это социализм и римско-католическая церковь. Мы воображаем, что невероятно многого достигли в искусстве, а единственное достижение в искусстве – это кино. Мы помешаны на мире и ради этого только и делаем, что совершенствуем ядовитые газы.

Из иллюстраций к роману

Сэр Лоренс поглядел сбоку на молодого человека, говорившего с такой горечью.

– А как дела в издательстве, Майкл?

– Что ж, «Медяки» раскупаются, как горячие пирожки, и ваш «Дуэт» тоже пошел. Как вы находите такой новый текст для рекламы: «Дуэт», сочинение сэра Лоренса Монта, баронета. Изысканнейшая беседа двух покойников». Должно подействовать на психологию читателя! Уилфрид предлагал: «Старик и Диззи – по радио из ада». Что вам больше нравится?

Но тут они оказались рядом с полисменом, поднявшим руку перед мордой ломовой лошади, так что ее движение разом остановилось. Моторы автомобилей жужжали впустую, взгляды шоферов вперились в запретное для них пространство, девушка на велосипеде

рассеянно оглядывалась, держась за край фургона, на котором боком сидел юноша, свесив ноги в ее сторону. Сэр Лоренс снова взглядел на Дезерта. Тонкое, бледное и смуглое лицо красивое лицо, но какая-то в нем судорожность, как будто нарушен внутренний ритм; в одежде, в манерах – никакой утрировки, но все же чувствуется некоторая вольность; в нем меньше живости, чем в этом веселом повесе, собственном сыне сэра Лоренса, но такая же неустойчивость и, пожалуй, больше скептицизма – впрочем, он, наверно, способен на глубокие переживания! Полисмен опустил руку.

– Вы были на войне, мистер Дезерт?

– О да!

– В авиации?

– И в пехоте – всего понемногу.

– Трудновато для поэта!

– О нет! Поэзией только и можно заниматься, когда тебя в любую минуту может разорвать в клочки или если живешь в Пэтни .

Бровь сэра Лоренса приподнялась.

– Разве?

– Теннисон, Браунинг, Вордсворт, Суинберн – вот кому было раздолье писать: *ils vivaient, mais si peu*.

– А разве нет третьего благоприятного условия?

– Какого же, сэр?

– Как бы это выразиться... ну, известное умственное возбуждение, связанное с женщиной?

Лицо Дезерта передернулось и словно потемнело.

Майкл открыл французским ключом парадную дверь своего дома...

(«Белая обезьяна», перевод Р.Райт)

При жизни Голсуорси удостоился почетных степеней Тринити-колледжа, Дублинского университета, а также почетных степеней Кембриджского, Оксфордского и Принстонского университетов, университетов Манчестера и Шеффилда.

Одно из последних выступлений Д.Голсуорси на радио

Необходимо сказать и о широко известных теоретических работах английского реалиста: «Аллегория о писателе» (1909), «Туманные мысли об искусстве» (1911), «Искусство и война» (1912), в которых он горячо отстаивает свои эстетические взгляды. Для Голсуорси

искусство неразрывно связано с жизнью, поэтому он всегда принципиально противостоит эстетизму. «Любой художник, живописец, музыкант или писатель – это паломник, – рассуждал он, – к какой святыне он идет на поклонение? Чей лик узреть бредет он безводными пустынями, неся крест своего таланта? Лик красоты и лик истины – или морду скачущего сатира и золотого тельца? Какова цель и предназначение искусства?.. На вопрос, ради чего мы отдаемся искусству, есть только один верный ответ: ради большего блага и величия человека». Именно в этих словах и заключено основное достоинство того, что создал за свою долгую творческую жизнь Голсуорси.

Стоит добавить о значительном количестве экранизаций «Саги о Форсайтах», созданных английским и американским телевидением и имевшим успех во всем мире. Русскоязычный читатель, конечно, знает имя Голсуорси, однако многих пугает объем его великой книги, хотя читается она в замечательных переводах необыкновенно легко...

Глава III

Бунин Иван Алексеевич

1933, Россия-Франция

Иван Бунин

Иван Алексеевич Бунин (22 октября 1870 года – 8 ноября 1953 года), русский писатель и поэт, родился в имении своих родителей под Воронежем, в центральной части России. Отец писателя, Алексей Николаевич Бунин, происходил из старинного дворянского рода, восходящего к литовскому рыцарству XV века. Мать, Людмила Александровна Бунина, урожденная Чубарова, также принадлежала к дворянскому роду. Из-за отмены крепостного права в 1861 году и весьма нерачительного ведения дел хозяйство Бунина и Чубаровой находилось в чрезвычайно запущенном состоянии, и к началу XX века семья была на грани разорения.

До 11 лет Иван воспитывается дома, а в 1881 году поступает в Елецкую уездную гимназию, однако через четыре года из-за финансовых затруднений семьи возвращается домой, где продолжает образование под руководством старшего брата Юлия, человека необычайно способного и придерживающегося крайне радикальных взглядов. Но аристократ по духу, Иван Бунин не разделял страсти брата к политическому радикализму. Юлий же, с блеском окончивший университет, прошел с Ваней весь гимназический курс. Они занимались языками, психологией, философией, общественными и естественными науками. Именно Юлий оказал большое влияние на формирование вкусов и взглядов Бунина и, чувствуя литературные способности младшего брата, познакомил его с русской классической литературой, посоветовал писать самому.

Гимназия в Ельце, где учился И.Бунин

Бунин с увлечением читал Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а в 16-летнем возрасте начал писать стихи сам. В мае 1887 года журнал «Родина» напечатал стихотворение «Нищий» шестнадцатилетнего Вани Бунина. С этого времени началась его более или менее постоянная литературная деятельность, в которой нашлось место и для стихов, и для прозы.

Внешне стихи Бунина выглядели традиционными как по форме, так и по тематике: природа, радость жизни, любовь, одиночество, печаль утраты и новое возрождение. И все же, несмотря на подражательность, была в бунинских стихах какая-то особая, только ему одному присущая интонация.

И.Бунин и А.Чехов. 1900 год

Не имея средств к существованию, Иван Бунин в 1889 году идет работать корректором в местную газету «Орловский вестник» и вскоре влюбляется в сотрудницу редакции Варвару Пашенко, с которой, вопреки родительской воле, в 1892 году отправляется на Украину, в Полтаву. Их отношения продолжались до 1894 года, когда Пашенко вышла замуж за друга Бунина, писателя А.Н. Бибикова.

Первый томик стихов Бунина вышел в свет в 1891 году в приложении к одному из литературных журналов. Классические по стилю, стихи Бунина были насыщены чудесными образами природы – свойство, характерное для всего будущего поэтического (да и прозаического) творчества писателя. В это же время он пробует писать рассказы, которые появляются в различных литературных журналах, вступает в переписку с А.П. Чеховым. Спустя четыре года, в 1895 году, писатели встречаются и становятся близкими друзьями. Несмотря на определенное сходство, тематика и стиль их произведений, конечно же, совершенно различны. Свойственная Бунину традиционная манера повествования с упором на сюжет и описательность в корне отличается от новаторской краткости Чехова. Вообще, как и его консервативно настроенные

друзья, пианист и композитор Сергей Рахманинов и певец Федор Шаляпин, Бунин придерживается традиционных взглядов на искусство.

В начале 90-х годов XX века Бунин находился под влиянием философских идей Льва Толстого, таких, как близость к природе, необходимость занятий ручным трудом, непротивление злу насилием. Тем не менее, когда они встретились в 1894 году, Бунин был разочарован утопичностью взглядов своего кумира. Впрочем, это никак не помешало ему всегда восхищаться реализмом Толстого и считать его величайшим из русских писателей.

С 1895 года Бунин живет в Москве и в Петербурге.

Литературное признание пришло к писателю после выхода в свет таких рассказов, как «На хуторе», «Вести с родины» и «На краю света», посвященных голоду 1891 года, эпидемии холеры 1892 года, переселению крестьян в Сибирь, обнищанию и упадку мелкопоместного дворянства. Свой первый сборник рассказов Бунин назвал «На краю света» («Край света», 1897).

Тот самый, первый сборник...

В 1898 году Бунин выпускает поэтический сборник «Под открытым небом», а также свой великолепнейший перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, получивший очень высокую оценку и удостоенный Пушкинской премии первой степени. Еще через год Бунин женится на Анне Николаевне Цакни, дочери греческого революционера, с которой он познакомился в Одессе. Брак был непродолжительным и несчастливым: их единственный сын, родившийся в 1900 году, умер в пятилетнем возрасте от скарлатины.

В начале 1899 года Бунин знакомится с Максимом Горьким, который привлек его к сотрудничеству в радикальном издательстве «Знание». Хотя возвышенный реализм в ядовитой смеси с «революционным романтизмом» и прогрессистские взгляды Горького не импонировали Бунину, он посвятил Горькому сборник стихотворений «Листопад» (1901) и продолжал сотрудничество со «Знанием» вплоть до революции 1917 года.

Портрет И.Бунина работы Л.Туржанского. 1905 год

В первые годы XX века Бунин активно занимается переводом на русский язык английских и французских поэтов. Им переведены поэмы А.Теннисона «Леди Годива» и Д.Байрона «Манфред», произведения Альфреда де Мюссе и Франсуа Коппе.

С 1900 по 1909 год издаются многие, теперь уже широко известные рассказы писателя – «Антоновские яблоки», «Сосны», – в которых звучит озабоченность Бунина в связи с разорением дворянских гнезд и миграцией городского и сельского населения.

В конце 1906 года Бунин влюбляется в Веру Николаевну Муромцеву, дочь члена Московской городской думы, и вступает с ней в гражданский брак. В годы, предшествующие революции, Бунин и Муромцева много путешествуют вместе. Влюбленный Бунин становится романтиком...

Когда подняли якорь, в толпу на спардеке вошли молодые, французы. И, заглядевшись на них, я не заметил, как поплыли кровли и купола Стамбула.

По глянцевитой мраморно-голубой воде черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренние пары таяли в тепле и свете, но даль еще терялась в матовом тумане.

За мысом дорогу перерезал колесный пакебот, переполненный фесками, и, мелькнув, обдал теплым дымом. Старые стены дворца Константина и цветущие сады Серая дремали, пригретые солнцем. В оврагах алело искривленное иудино дерево. Бледно-розовые минареты Софии уносились в небо...

Извиваясь, протянулись, вслед за Сералем, стены Феодосия, полчища кипарисов в Полях Мертвых... Стены кончились руиной Семибашенного замка... И сиренево-серый очерк Стамбула стал уменьшаться и таять. Справа шли обрывы плоского побережья, цвета пемзы. А налево, до нежно-туманной сини Принцевых островов, и впереди, до еще более туманных гор Азии, все шире разбегались сияющие среди утреннего пара заливы. Над их необозримой гладью кое-где висели дымки невидных пароходов...

Нижние палубы, заваленные грузом в Пирей и Александрию, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково-застенчивые улыбки и блестящие зубы, карие глаза и гортанный говор. Белыми коконами сидели на коврах закутанные женщины. Мечтательно играли четками хаджи в чалмах и халатах. Пели, пили мастику, страстно спорили и бились в кости греки, похожие на плохеньких итальянцев. Седобородый еврей в люстриновом пальто, в черной непрямой шляпе на затылок, с пейсами и поднятыми бровями, ел, уединенно сидя на крышке трюма, маслины с белым хлебом и обсасывал пальцы. В проходах несло кухонным чадом, теплом из стальной утробы мерно работающей машины, бежали белые повара с помоями. Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослепительный блеск под левым бортом. За этим блеском расстилались и как будто наклонно скользили вдаль, в чуть видной Азии, зеркала Кианского залива. В миле, в полумиле от нас проходили итальянские и греческие грузовики с низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись в Стамбул, раскинувшись по всему морю, парусные барки. Одна бригантина прошла так близко, что вся закачалась и закланялась, попав в волну от парохода, и ярко озарила нас парусами. Под их серебристой тенью бежал загорелый человек в полосатой фуфайке. А зеленый хрусталь под бригантинной был так прозрачен, что видно было все дно ее.

Ют загрозомождал тюки прессованного сена. Матросы натягивали над ними тент. Блился полдень, и в проходах между сеном уже стоял жаркий сладковатый запах степи.

За завтраком в кают-компании открыли все иллюминаторы. По белому низкому потолку переливались зеркальные змеи, отраженные из-под левого борта водою и солнцем.

Часа в два слева заголубели каменистые побережья древней Фригии. Близко прошла дикая горбина острова Марморя, и было весело смотреть на его блиставшие над водой обрывы, на сероватую зелень, покрывавшую его ребра и скаты, на белые точки какого-то селенья, рассыпанного в одной из его впадин.

Очень близко прошел перед вечером и Галлиполи, желтевший на пустынных обрывах справа.

В темноте, усеянной зоркими огнями, осторожно пропустила нас теснина Дарданелл.

II

Троя, Скамандр, Холмы Ахиллеса – сколько прелести в этих звуках! Равнина Скамандра серебрилась в эту ночь легким туманом и печальным лунным светом. Я видел ее смутно... Но это была уже Греция.

Шерстяная вишневая занавеска на открытом иллюминаторе в моей каюте стала утром, против солнца, прозрачно-красной. Сладкий ветер ходил по каюте. Быстро одевшись, я выбежал на недавно вымытую, еще темную палубу.

Был опять тонкий пар, полный блеска, легкий, влажный воздух. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди и влево по его равнине таяли в светлой дымке фиолетовые силуэты Архипелага. А направо тянулись зелено-сиреневые горы: Эвбея.

И все утро выгибалась мимо нас эта каменистая страна, вся в складках, как кожа бегемота. А позднее, когда солнце уже жгло плечи и я с изумлением глядел на это горящее масло, лизавшее пароход и порою плескавшее языками бирюзового пламени, открылись, наконец, «пустынные горы» Гимета.

По мертвенно-белым волооким статуям, по тысячелетним толкам о вакханках и дриадах, о богах и празднествах с цветами и хорами, – как будто в древней Греции только и делали, что праздновали, – тысячи тысяч людей рисуют себе какой-то пошлый эллинизм вместо этой каменистой, сухой страны. Каков-то Акрополь? Все бинокли искали его, греки с юта с азартом тыкали пальцами вдаль. И вот нашел, наконец, я нечто смутно-желтевшее на каменистом холме, одиноко стоящем за морем крыши в долине, – нечто вроде небольшой дикой крепости. И, взглянув на этот голый холм пелазгов, впервые в жизни всем существом своим ощутил я древность.

В Пирсе, где в жаркий полдень мы бросили якорь, нас окружили гиды, комиссионеры отелей... Маленький быстрый поезд в полчаса доставил нас в Афины. По ослепительно-белым улицам еду я, выйдя из вагона. Высоко сидит на козлах кучер в соломенной шляпе, хлопая бичом над парой резвых кляч в дышле. Яркая лента неба льется над коридором улицы с белой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и в тени чувствуешь и видишь, как прозрачен сухой жаркий воздух. Спущены зеленые жалюзи на окнах, спущены маркизы над витринами. Быстро выезжаем, миновав площадь, королевский дворец и предместье, на меловое шоссе, – и этот холм пелазгов с руинами храмов поражает меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова гор, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный пик холма, воедино слитый двадцатипятивековой древностью с голым остовом Акрополя, – останками стен, колоннад и порталов. Зной и ветер давно обожгли кости этой чуждой и уже непонятной нам жизни. Медленно тянут лошади по мелу, хрустит щебень шоссе, кольцом охватившего холм и поднимающегося все в гору, – со всех сторон оглядываю я загорелый камень стен Акрополя и его желобчатых колонн... Наконец, коляска останавливается как раз против входа в гранитной стене, за которым широкая лестница из лоснящегося мрамора поднимается к Пропилеям и Парфенону... И на мгновение я теряюсь... Боже, как все это просто, старо и прекрасно! Налево, в сквозной тени маслин, стоит другая коляска. Высокий, очень прямой человек с биноклем через плечо, в сером костюме и тропическом шлеме, и высокая худая женщина, тоже в сером шлеме, в фильдекосовых перчатках, с длинной тонкой палочкой в одной руке и с книжкой в другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокойнейшие люди изумленно смотрят круглыми глазами на то, что блестит перед нами золотыми руинами в жарком синем небе, на то, что так божественно-легко и стройно громоздится на гранитных укреплениях, вросших в темя этого «Алтаря Солнца». Они входят, поднимаются по лестнице, делаются маленькими среди колонн, уцелевших от Пропилей... Я тоже иду и смотрю... Но я уже все видел!

Я иду, но души древности, создавшей все это, я коснулся еще с парохода. А божественное совершенство Акрополя раскрывает один взгляд на него.

*Вот я поднялся по скользким плитам к Пропилеям и храму Победы. Я теряюсь в бес-
предельном пространстве Эгейского моря и вижу отсюда и маленький порт в Пирее, и беско-
нечно- далекие силуэты каких-то голубых островов, и Саламин, и Эгину. А когда я оборачи-
ваюсь, меня озаряет сине-лиловый пламень неба, налитого между руинами храмов, между
золотисто-обожженным мрамором колоннад и капителей, между желобчатými столпами
такой красоты, мощи и стройности, пред которыми слово бессильно. Я вступаю в громаду
раскрытого Парфенона, вижу скользкие мраморные плиты, легкий мак в их расселинах... Что
иное, кроме неба и солнца, могло создать все это? Какой воздух, кроме воздуха Архипелага, мог
сохранить в такой чистоте этот мрамор? Глыбам гранита и мрамора, кряжам каменных
гор, накаленных зноем, поклонялись древнейшие греческие племена. «Амфион, древнейший из
поэтов, извлекал из лиры столь сладкие звуки, что вечный мрамор, в котором заключена выс-
шая чистота земли, сам стал складываться в колоннады, стены и ступени». А Гомер изваял
образы богов-людей: ведь Эллада «только устами поэтов и философов» созидала пантеоны
и культы. И «уста поэтов» высшей религией признали красоту, высшим загробным блажен-
ством – Элизиум, «от века не знавший тьмы и холода», высшей загробной мукой – лишение
света...*

*«Бог – жизнь, свет и красота», – сказал народ, населивший землю в этом «преlestней-
шем из морей». – «Бог – это мое тело», – сказал он, возмущав и забыв, что земля его, как и
всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, как и всюду, разрушает на его земле плот-
скую радость. «Я завоевал высшую мудрость», – сказал он – и отлил свои завоеванья в мрамор –
воздвиг «Алтарь Возврата», как Александр на границах Индии. И чтобы не слышать о
новых завоеваниях, умертвил Сократа. Но дух искал и жаждал. Александр, снедаемый этой
жаждой, раздвинул пределы земли, смешал народы и, возвратясь, сказал: «Мир бесконечен,
и Бог тысячелик. Я поклонялся всем ликам; но истинный – неведом. Иудея говорит, что лик
его – мощь и пламя гнева; Египет, что лик его – Солнце в лице Сфинкса и Ястреба. Но Иудея
– это горячее Мертвое море, Египет – могила в пустыне: он тоже свершил свой путь – от
поклонения вечно возрождающемуся «сыну Солнца», Гору, до своего Алтаря Возврата – до
Великой пирамиды. И храмы Солнца ныне пусты и безмолвны». Тогда Греция снова послала
поэтов в философов искать Бога. И они пошли в Сирию и Александрию – и среди смешавшегося
человечества зачалось смутное и радостное предчувствие нового рассвета. Впервые случи-
лось, что завоеватель мира не дерзнул покорить мир богу своей нации. И всемирная монархия,
смешав человечество, распалась. Человечество пресытилось кровью, землею и смертью – и
возжаждало братства, неба, бессмертия. И когда, наконец, снова взошло Солнце, «Радуйся! –
сказал миру ясный голос. – Нет более ни рабов, ни царей, ни жрецов, ни богов, ни отечества,
ни смерти. Я – египтянин, иудей и эллин, я сын земли и духа. Дух животворит и роднит все
сущее: и лилии полевые, и птицы небесные, и Соломона в славе его, и раба Соломона. Сила и
жизнь его так велики во мне, что вот я полагаю руку мою на голову умирающего – и слышу,
как трепетно исходит из меня любовь и жизнь. На Фаворе, в росистое солнечное утро, мир, в
блеске и голубых туманах лежащий подо мною, наполняет мою душу таким восторгом, све-
том отца моего, что лицо мое повергает на землю братьев моих...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.